

деятельность, сама по себе большей частью бесполезная или носящая вспомогательный характер, но часто сопровождающая значимую деятельность. В соответствии с этой точкой зрения язык представляет собой не столько прямое развитие звуковой экспрессии, сколько актуализацию (в формах звуковой экспрессии) тенденции овладеть действительностью, но не непосредственно манипулируя всякий раз ее элементами, а методом сведения данных опыта к уже известным формам. Звуковая экспрессия только внешне схожа с языком. Тенденция выводить происхождение речи из эмоциональной экспрессии не может привести к чему-либо приемлемому с точки зрения научной теории, и поэтому должна быть сделана попытка увидеть в языке постепенно развившийся продукт особой техники или тенденции, которую можно назвать символической, и квалифицировать эту относительно несущественную или неполную часть как указывающую на целое. Таким образом, язык достиг своего нынешнего состояния не в силу своей замечательной выразительности, а вопреки ей. Речь как деятельность есть чудесное слияние двух организующих систем — символической и экспрессивной; ни одна из них не смогла бы достичь нынешнего совершенства без воздействия другой.

Трудно с точностью установить функции языка, так как он настолько глубоко коренится во всем человеческом поведении, что остается очень немного в функциональной стороне нашей сознательной деятельности, где язык не принимал бы участия. В качестве первичной функции языка обычно называют общение. Нет надобности опаривать это утверждение, если только при этом осознается, что возможно эффективное общение без речевых форм и что язык имеет самое непосредственное отношение к ситуациям, которые никак нельзя отнести к числу коммуникативных. Сказать, что мышление, которое едва ли возможно в каком-либо разумном смысле без символической системы, вносимой языком, является такой формой общения, при которой говорящий или слушающий воплощается в одном лице, -- это значит лишь уклониться от сути дела. Аутическая детская речь свидетельствует, видимо, о том, что коммуникативный аспект речи преувеличен. Более правильным представляется утверждение, что изначально язык является звуковой реализацией тенденции рассматривать явления действительности символически, что именно это свойство сделало его удобным средством коммуникации и что в реальных обстоятельствах социального взаимодействия он приобрел те усложненные и утонченные формы, в которых он нам известен ныне. Помимо очень общих функций, выполняемых языком в сферах мышления, общения и выражения чувств, можно назвать и некоторые производные от них функции, которые представляют особый интерес для исследователей общества.

Язык — мощный фактор социализации, может быть, самый мощный из существующих. Под этим разумеется не только очевидный факт, что без языка едва ли возможно серьезное социальное взаимодействие, но также и тот факт, что обычная речь выступает в

качестве своеобразного потенциального символа социальной солидарности всех говорящих на данном языке. Психологическая значимость этого обстоятельства далеко не ограничивается ассоциацией конкретных языков с нациями, политическими единствами или более мелкими локальными группами. Между признанным диалектом или целым языком и индивидуализированной речью отдельного человека обнаруживается некоторый тип языковой общности, которая редко является предметом рассмотрения лингвистов, но чрезвычайно важна для социальной психологии. Это разновидность языка, бытующая среди группы людей, связанных общими интересами. Такими группами могут быть семья, ученики школы, профессиональный союз, преступный мир больших городов, члены клуба, дружеской компании из четырех — пяти человек, прошедших совместно через всю жизнь, несмотря на различие профессиональных интересов, и тысяча иных групп самого разнообразного порядка. Каждая из них стремится развить речевые особенности, выполняющие символическую функцию выделения данной группы из более обширной группы, в которой малая группа может целиком раствориться. Полное отсутствие отличительных языковых примет у столь мелких групп смутно ощущается как недостаток или признак эмоциональной бедности. В пределах конкретной семьи произнесение в детстве «Дуди» вместо «Джорджи» может привести к тому, что первая форма утверждается навсегда. И это домашнее произнесение знакомого имени в применении к данному лицу превращается в очень важный символ солидарности конкретной семьи и сохранения чувств, объединяющих ее членов. Постороннему не легко дается привилегия говорить «Дуди», если члены семьи чувствуют, что он еще не имеет права преступить порог той степени фамильярности, которая символизируется употреблением «Джорджи» или «Джордж». И опять-таки никто не скажет *trig* 'тригонометрия' или *math* 'математика', если только он не прошел через столь знаковый и выстраданный опыт учебы в школе или в высшем учебном заведении. Употребление подобных слов сразу же обнаруживает принадлежность говорящего к неорганизованной, но тем не менее психологически реальной группе. Математик-самоучка едва ли употребит слово *math* по отношению к науке, которой он занимается, так как скрытые студенческие нюансы этого слова ничего не говорят ему. Чрезвычайная важность мельчайших языковых различий для символизации таких психологически реальных групп, противопоставленных политически или социологически официальным группам, инстинктивно чувствуется большинством людей. «Он говорит, как мы» равнозначно утверждению «Он один из наших».

Язык, помимо своей основной функции как средства общения, выступает в роли социализующего фактора еще в одном важном аспекте. Это установление социального контакта между членами временно образуемой группы, например во время приема гостей. Важно не столько то, что при этом говорится, сколько то, что вообще ведется разговор. В частности, когда между членами данной группы нет глу-

бокого культурного взаимопонимания, возникает потребность заменить его легкой болтовней. Это успокаивающее и вносящее уют качество речи, используемой и тогда, когда, собственно, и сообщить нечего, напоминает нам о том, что язык представляет собой нечто большее, чем простая коммуникативная техника. Ничто лучше этого не демонстрирует того, до какой степени жизнь человека как животного, возвышенного культурой, находится во власти вербальных субститутов физического мира.

Роль языка в накоплении культуры и ее историческом наследовании очевидна и очень существенна. Это относится как к высоким уровням культуры, так и к примитивным ее формам. Большая часть культурного фонда примитивного общества сохраняется в более или менее четко определенной языковой форме. Пословицы, лечебные заклинания, стандартизированные молитвы, народные предания, песни, родословные — это лишь некоторые из внешних форм, используемых языком в качестве средств сохранения культуры. Прагматический идеал образования, стремящийся свести к минимуму влияние стандартизированных знаний и осуществляющий образование человека путем возможно более непосредственного контакта с окружающей его действительностью, несомненно, не принимается примитивными народами, которые, как правило, столь же тесно привязаны к слову, как и сама гуманистическая традиция. Мало других культур, кроме китайской классической и еврейской раввинской, заходили так далеко, чтобы заставить слово как основную единицу действительности заменять вещь или индивидуальный опыт. Современная цивилизация в целом, с ее школами, библиотеками, бесконечными запасами знаний, мнений, фиксированных в словесной форме чувств, немислима без языка, обладающего вечностью документа. В целом мы, видимо, склонны преувеличивать различие между «высокими» и «низкими» или насыщенными и развивающимися (emergent) культурами, основываясь на традиционно сохраняемом вербальном авторитете. Видимо, действительно существующее огромное различие заключается скорее в различии внешней формы и содержания самой культуры, нежели в психологических отношениях, складывающихся между индивидом и его культурой.

Несмотря на то что язык действует как социализующая и унифицирующая сила, он в то же время является наиболее мощным и единственно известным фактором развития индивидуальности. Характерные качества голоса, фонетическая организация речи, быстрота и относительная четкость произношения, длина и строение предложений, характер и объем словаря, употребительность наукообразной лексики, способность слов откликаться на потребности социальной среды, и в частности ориентация речи на языковые привычки своих собеседников, — все это многочисленные комплексные показатели, характеризующие личность. «Действия говорят громче слов», — с прагматической точки зрения это, может быть, и замечательный афоризм, но он свидетельствует о недостаточном проникновении в при-

роду языка. Языковые привычки человека весьма существенны как бессознательные индикаторы наиболее существенных черт его личности, и в психологическом отношении народ является более мудрым, чем этот афоризм, когда волей или неволей уделяет много внимания психологической значимости языка человека. Обычный человек никогда не довольствуется одним лишь содержанием речи, но очень чувствителен к скрытому смыслу языкового поведения, хотя этот скрытый смысл почти не поддается сознательному анализу. В общем и целом не будет преувеличением сказать, что одна из действительно важных функций языка заключается в постоянной сигнализации того, какие психологические места занимают его носители в обществе.

Кроме этого, весьма общего, типа личностного самовыражения или реализации, следует иметь в виду важную роль, исполняемую языком как заместительным средством выражения для тех индивидов, которые испытывают повышенные трудности в приспособлении к среде с помощью первичных схем действий. Даже в самых примитивных культурах удачно подобранное слово, по-видимому, является более мощным средством воздействия, нежели прямой удар. Неблагоразумно говорить, что «слова — это только слова» («mere words»), ибо это значит ставить под сомнение важность и, может быть, даже само существование цивилизации и личности.

Языки мира можно классифицировать на основе структурного или генетического принципа. Точный структурный анализ сложное дело, и поэтому не существует еще основанной на нем классификации, которая учла бы все поражающее многообразие форм. Следует различать три критерия классификации: относительная степень синтеза или оформленности (elaboration) слов языка; степень спайки частей слова друг с другом; и то, в какой мере основные реляционные понятия языка прямо выражены как таковые. Что касается синтеза, то языки выстраиваются в ряд от изолирующего типа (где отдельное слово по сути неразложимо) до типа, представленного многими языками американских индейцев (где отдельное слово нередко выступает как функциональный эквивалент предложения со многими конкретными референциальными отсылками, выражение которых в большинстве языков требует употребления нескольких слов). Удобно различать четыре стадии синтеза: изолирующий тип, слабо синтетический тип, вполне синтетический тип и полисинтетический тип. Классический пример первого типа — китайский язык, в котором слова, не будучи затронуты ни внутренними изменениями, ни добавлением префиксальных либо суффиксальных элементов, способны выражать такие понятия, как число, время, наклонение, падежное отношение и тому подобные. Этот тип языка — по-видимому, один из самых редких -- лучше всего представлен некоторыми языками Восточной Азии. Кроме китайского, можно привести такие примеры, как сиамский (тайский), современный тибетский, аннамский (вьетнамский) и кхмерский (камбоджийский). Более старый взгляд, при котором такие языки считались находящимися на самой примитивной стадии

языковой эволюции, сегодня может быть отброшен как устаревший. Весь материал свидетельствует в пользу противоположной гипотезы — что такие языки представляют собой логический предел аналитического развития некогда более синтетических языков, которые вследствие процесса фонетической дезинтеграции оказались вынуждены заново выражать аналитическими средствами комбинации понятий, первоначально выражавшиеся в пределах единого слова. Слабо синтетический тип языка лучше всего представлен наиболее известными современными европейскими языками — такими, как английский, французский, испанский, итальянский, немецкий, голландский и датский. В таких языках слова в некоторой степени изменяемы, однако степень оформленности слова весьма умеренна. Например, формы множественного числа в английском и французском языках относительно просты, между тем как системы времен и наклонений во всех языках этого типа склонны в дополнение к более старым синтетическим способам использовать аналитические. Третья группа языков представлена такими языками, как арабский и древнейшие индоевропейские языки типа санскрита, латинского и греческого. Все это — языки с высокой степенью формальной сложности, в которых такие обобщающие понятия, как род, число, падеж, время и наклонение, выражаются весьма изоциренно и разнообразно. Благодаря богатству сведений, извлекаемых из формы отдельного слова, предложение обычно не столь динамично и организовано, сколь в языках двух первых вышеупомянутых типов. Наконец, в полисинтетических языках к формальной сложности выражения основных реляционных понятий добавляется способность организовывать несколько логически отдельных конкретных понятий в некоторое упорядоченное целое в пределах единого слова. Классическими примерами этого типа могут служить эскимосский и алгонкинские языки.

С точки зрения механической связности, объединяющей элементы слова, языки удобно подразделять на четыре типа. Первый из них, в котором вообще нет такого процесса комбинации, это вышеупомянутый изолирующий тип. Ко второй группе языков принадлежат все те языки, в которых слово может быть адекватно представлено в виде механической суммы элементов, каждый из которых имеет свое более или менее четко установленное значение и каждый из которых регулярно используется во всех других словах, в которые входит соответствующее связанное понятие. Это так называемые агглютинативные языки. По-видимому, большинство языков используют агглютинативную технику, преимущество которой состоит в том, что здесь логическая разложимость сочетается с экономией средств. Алтайские языки (типичным примером которых может служить турецкий) и африканские языки банту по форме агглютинативны.

В третьем типе (в так называемых флективных языках) степень спайки корневого элемента, или основы, слова и модифицирующих префиксов или суффиксов больше, чем в агглютинативных языках, так что во многих случаях становится трудно выделить основу и

противопоставить ее наращиваемым элементам. Однако более важным является тот факт, что в этом случае соответствие между языковыми элементами и обозначаемыми понятиями будет не столь одно-однозначным, как в агглютинативных языках. Например, в латинском языке понятие множественности выражается многими разными способами, которые, по-видимому, фонетически мало связаны друг с другом. Например, конечный гласный или дифтонг в слове *equi* 'лошади', *dona* 'дары', *mensae* 'столы' и конечный гласный и согласный в слове *hostes* 'враги' — функционально эквивалентные элементы, распределение которых зависит от чисто формальных и исторических факторов, логически не существенных. Далее, в глаголе понятие множественности выражается очень по-разному, например, сочетанием двух последних согласных в слове *amant* 'они любят'. Одно время было модным оказывать предпочтение «химическим» свойствам флективных языков типа латинского и греческого в сравнении с чисто механическими свойствами таких языков, как турецкий. Но эти оценки сегодня можно отбросить как устаревшие и субъективные. Очевидно, они были обусловлены тем, что специалисты, писавшие на английском, французском и немецком языках, не смогли подняться выше рационалистического осознания тех языковых структур, с которыми они были лучше всего знакомы, как находящихся в положении идеального превосходства.

В качестве ответвления флективных языков может рассматриваться четвертая группа — языки, в которых процессы сращивания, обусловленные действием сложных фонетических законов, в конце концов привели к созданию моделей внутренней мены (*internal change*) в ядерных элементах речи. Такие известные английские примеры, как слова *sing* 'петь', *sang* 'пел', *sung* 'спетый', *song* 'песня', дают некоторое представление о характере этих структур, которые могут быть названы «символистическими» (*symbolistic*). Можно выделять такие разновидности внутренней мены, как качественная мена гласных (*changes in vocalic quality*), мена согласных (*changes in consonants*), количественная мена (*changes in quantity*), различные виды редупликации и повторов (*repetition*), акцентная мена (*changes in stress accent*) и, наконец (в китайском и во многих африканских языках), мена высоты тона (*changes in pitch*). Классическим примером этого языкового типа может служить арабский язык, в котором, так же как и в других семитских языках, ядерные значения (*nuclear meanings*) выражаются последовательностями согласных, которые, однако, должны сочетаться со значимыми гласными, схемы расположения которых несут определенные функции, независимые от значений, передаваемых консонантной решеткой.

Возможно, степень оформленности и способы разложения слова логически и психологически не столь важны, сколь отбор (*selection*) и интерпретация (*treatment*) основных реляционных понятий как грамматических. Однако осуществить удовлетворительную понятийную классификацию языков было бы необычайно трудно, ибо поня-

тия и классификации идей, выражаемые языковой формой, необычайно разнообразны. Так, в индоевропейских и семитских языках родовая классификация существительных — основной принцип строения. Но в большинстве других языков мира этот принцип отсутствует, хотя налицо другие способы классификации существительных. Время или падеж тоже могут быть формально важны в одном языке — например, в латинском, но относительно несущественны для грамматики другого языка, хотя логические отношения (*logical references*), лежащие в основе таких форм, конечно, должны каким-то образом обрабатываться механизмами языкового хозяйства — например, путем использования специальных слов в составе данного предложения. Может быть, наиболее фундаментальная понятийная основа классификации — это выражение основных синтаксических отношений как таковых в противоположность их выражению в обязательном сочетании с понятиями конкретного характера. Например, в латинском языке понятие подлежащего при некотором сказуемом, строго говоря, никогда не выражается в чистом виде, ибо нет никакого отдельного символа, выражающего это отношение. Его невозможно передать, не зафиксировав одновременно с ним число и род субъекта данного предложения. Однако существуют языки, в которых синтаксические отношения выражаются в чистом виде, без примеси сопутствующих смысловых элементов (*implications*) нереляционного характера. Таким образом, можно говорить о чисто реляционных языках в противоположность смешанно-реляционным. Большинство известных нам языков принадлежит ко второму типу. Само собой разумеется, такая концептуальная классификация прямо не связана с двумя вышеупомянутыми типами классификации.

Генетическая классификация языков стремится распределить их по группам и подгруппам в соответствии с основными направлениями исторической связи, устанавливаемой либо на основе свидетельства памятников, либо посредством тщательного сравнения изучаемых языков. Вследствие всеобъемлющего воздействия постепенных фонетических изменений и других причин языки, представляющие первоначально не что иное, как диалекты одной и той же формы речи, разошлись настолько далеко, что истолкование их как результатов специфического развития общего прототипа представляется отнюдь не очевидным. В генетическую классификацию языков мира был вложен огромный труд, но многие проблемы все еще ждут своего исследования и разрешения. В настоящее время с определенностью известно, что существует некоторое количество больших языковых групп, или, как их еще называют, семейств, члены которых можно, говоря в общих чертах, рассматривать как прямые потомки языков, поддающихся теоретической реконструкции в своих основных фонетических и структурных чертах. Впрочем, ясно, что языки могут и настолько разойтись, что сохраняют очень незначительные следы первоначальных родственных связей. Поэтому весьма рискованно было бы полагать, что данные языки не являются разошедшимися членами

единой генетической группы только на том основании, что мы располагаем негативными свидетельствами. Единственным правомерным различием является различие между языками, известными как исторически родственные, и языками, об историческом родстве которых нет данных. Заведомо родственные языки недопустимо противопоставлять заведомо неродственным.

В силу того факта, что языки отличаются друг от друга в разной степени, а также ввиду существенного воздействия культурной диффузии, приведшей к тому, что намеренно насаждаемые языки, такие, как арабский, латинский и английский, распространились по большей части земного шара за счет других языков, — в силу этого сложились весьма разнообразные условия в отношении распространения языковых семейств. Например, в Европе в настоящее время преобладают две языковые семьи — индоевропейские языки и угро-финские языки. Баскский язык Южной Франции и Северной Испании является пережитком иной и, по-видимому, изолированной группы. С другой стороны, в аборигенной Америке языковая дифференциация носит крайний характер; здесь можно обнаружить большое количество по существу неродственных языковых семей. Некоторые из них занимают очень небольшое пространство, но другие, как алгонкинские и атабаскские языки Северной Америки, распространились по огромной территории. Методика установления языковых семей и определения характера отношений между языками, входящими в эти семьи, слишком сложна, чтобы заниматься ею здесь. Достаточно сказать, что случайное сравнение слов не может дать никаких результатов. Опыт показывает, что между языками той или иной группы должны существовать строгие фонетические отношения, а что касается основных морфологических черт, то они сохраняются в течение достаточно долгого периода времени. Так, современный литовский язык по своей структуре, лексике и в значительной степени по своей фонематической структуре (*phonemic pattern*) очень приближается к языку, который считается прототипом всех индоевропейских языков в целом.

Несмотря на то что структурная классификация теоретически не имеет отношения к генетической и что языки способны оказывать друг на друга влияние не только в области фонетики и словаря, но также в известной степени и в структурном отношении, языки одной генетической группы довольно редко обнаруживают несопоставимые структуры. Так, даже английский, наименее консервативный из индоевропейских языков, имеет значительное количество общих структурных черт с таким отдаленным по времени языком, как санскрит, в противоположность, например, отсутствию таких сходств с баскским или финским. Или: как бы ни различались айсорский, современный арабский и семитские языки Абиссинии, они обнаруживают многочисленные сходные черты в фонетике, лексике и в структуре, которые резко отделяют их, например, от турецкого языка или африканских языков в верховьях Нила.